

Антон Первушин
«Гроза» в зените

«Автор»

2008

Первушин А. И.

«Гроза» в зените / А. И. Первушин — «Автор», 2008

Как выглядел бы Советский Союз, если бы скоростная авиация, баллистические ракеты и космические корабли находились под жестким запретом? Как развивалась бы наука и техника? Что могло стать причиной запрета? Какую тайну скрывает правительство великой коммунистической державы, победившей в «холодной» войне? Новый и очень необычный вариант альтернативной реальности рассматривает в своей научно-фантастической повести фантаст и популяризатор космонавтики Антон Первушин.

© Первушин А. И., 2008

© Автор, 2008

Содержание

1. «Левая» тетрадка	5
2. Высокий штиль	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Антон Первушин

«Гроза» в зените

1. «Левая» тетрадка

Легко мечтать о ярком безоблачном будущем, живя в маленьком провинциальном городке, на берегу мелкой речки, которую правильнее было бы назвать сточной канавой. Легко мечтать о больших городах, интересной работе, великих свершениях и подвигах, если поблизости не наблюдается ни того, ни другого, ни третьего, ни четвертого. В мегаполисе, где пыль и грязь скрыты под мишурой столичного шика, труднее быть искренним в своих мечтах и иллюзиях. Поэтому подлинные мечтатели, которые на самом деле верят в осуществимость высоких фантазий, рождаются только в глубинке.

Таким мечтателем был и Мэл Скворешников, родившийся в Калуге и первые семнадцать лет своей жизни проживавший там же — на улице Березуевской.

Город Калуга, что под Москвой, представляет собой замысловатое переплетение деревенских улиц: маленькие однотипные домишки, жмушщиеся заборами друг к другу, покатые крыши, резные наличники, глухие ставни, пыльная зелень летом, вязкое ледовое крошево зимой. Лишь ближе к Вокзальной площади улицы раздавались вширь, появлялись тротуары, кирпичная застройка вытягивалась к небу на четыре-пять этажей — изломы этого пространства были глубоко родными для Мэла, но он всё равно мечтал о другом.

Лет с семи, обзаведясь первыми школьными друзьями и получив уже некоторую степень свободы, Скворешников любил приходить с ватагой на смотровую площадку, устроенную над обрывом в Парке культуры и отдыха, и долго стоял там, маленький восторженный человечек, еще не вылезший из детсадовских колготок, — смотрел на величавую Оку, на глубокое синее небо, не стиснутое здесь домами и деревьями с белой от пыли листвой. Иногда везло увидеть клин перелетных птиц: казалось, они невесомо парят там, в недостижимой и непостижимой синеве, душу тянуло к ним, и Мэлу часто снилось, что он тоже птица с хрупкими костями и огромными крыльями, в этих снах достаточно было только оттолкнуться от земли, чтобы вознестись быстро и ровно, оставив скучную Березуевскую, с ее заборами, огородами, злыми собаками, юркими курами и крикливыми петухами далеко внизу — так далеко, что она превратится в набор деревянных кубиков из детского конструктора.

Потом Скворешников подрос и узнал, что люди — не птицы и никогда ими не станут. Он что-то такое слышал и раньше, но не придавал значения многим взрослым словам — ему просто не хватало знаний, чтобы понимать их. И вдруг так случилось, что он всё разом узнал и принял как данность. Позднее Мэл даже не сумел вспомнить момент истины, когда страшная правда о небе стала частью его куцевого опыта. Должно быть, он сам наивно задал вопрос: «Почему люди не летают?», а Татьяна Яковлевна, учительница начальных классов, ответила: «Потому что в небе опасно». Более взрослый и самостоятельный школьник потребовал бы разъяснений, но Скворешникову хватило и простых слов. Песок сыпучий, вода мокрая, ночь темная, зима холодная, в небе опасно, люди не летают. Мэл даже не огорчился. Разве можно пенять песку, что он сыпучий, а воде — что она мокрая?..

Первые робкие сомнения и основанные на них надежды пробудились в Скворешникове, когда он уже был пятиклассником, активистом пионерской дружины и членом кружка юных водолазов. Понятно, что калужские школьники вполне искренне увлекались водолазным делом, акванавтикой и океанологией. Увлекался этими дисциплинами и Мэл. Он уже обзавелся ластами и маской с трубкой с козырными наклейками «ДОСААФ», сделал и поставил у себя в комнате модель легендарного подводного крейсера «Гепард», повесил прикупленные

по случаю плакаты с прекрасными портретами Жака-Ива Кусто и Юрия Сенкевича — всё как у людей. А еще он много читал, и однажды (удивительно, что не раньше) ему в руки попала книжка французского писателя Жюль Верна «Восемьдесят тысяч километров под водой». Он взял ее в городской библиотеке, она была затрепанная, зачитанная, отдельные станицы отсутствовали, но поводом для удивления стал формуляр, который свидетельствовал, что книгу в последний раз брали еще до рождения Скворешникова — не двенадцать даже, а пятнадцать лет назад. Это так поразило Мэла, что он отложил дела и прочитал ее в один присест. Уже на сотой странице он понял, почему Жюль Верн не пользуется больше спросом у калужских книголюбов, — писал он интересно, но неправду. Скворешников был в этом абсолютно уверен, ведь он изучал в кружке историю подводного флота, мог уверенно рассказать о «потаенном судне» Никонова, о весельной субмарине Дреббеля и о винтовой подлодке Бауэра, о «боевой черепахе» Бушнела и о ракетноносце Шильдера — Мэл не помнил, чтобы в этом списке фигурировал огромный подводный корабль «Наутилус», таранивший суда и погружавшийся на чудовищные глубины, доступные только современным батискафам. Вообще все приключения капитана Немо и его команды производили впечатление невероятного сумбура. Понятно, что эти ребята выступали за права угнетенных во всем мире и старались оказать им интернациональную помощь в борьбе за независимость от империалистов, но метания «Наутилуса» по земному шару и довольно навязчивое желание Немо продемонстрировать своим пленникам все чудеса океана, которое ни единожды могло привести к гибели подводного корабля со всем экипажем, вызывали легкую оторопь. Из мемуаров Кусто и отечественных подводников Мэл знал, что освоение глубин — это сложный кропотливый процесс, сопряженный со многими трудностями, лишний риск не уместен, люди должны возвращаться домой к своим семьям, а не гибнуть в холодной соленой воде. Однако, несмотря на все эти несуразности, роман Мэлу понравился. Вот ведь, думал он, врет этот жулик Верн и не краснеет. Как только его напечатали?..

Возвращая книгу библиотекарше Марии Ивановне, Скворешников поинтересовался, почему французский писатель использует откровенный вымысел вместо того, чтобы описывать действительность как она есть. Добрая библиотекарша охотно объяснила, что у французов, в период до революции, так писали многие. Александр Дюма, оказывается, тоже придумал своих мушкетеров, но при этом поместил их в антураж реальной исторической эпохи, чтобы убедить читателя, будто бы так всё и происходило на самом деле. Но зачем? — вопрошал Мэл. «Затем, — спокойно отвечала Мария Ивановна, — что при капитализме литература прислуживает господствующему классу. Она создает иллюзии, которые выгодны эксплуататорам. Не всякий рабочий способен отличить, где иллюзия, а где правда. Эти романы одурманивают, скрывают истинные проблемы и зовут решать проблемы надуманные. Наша советская литература давно отказалась от описания вымышленных миров и приключений. Только реализм помогает читателю верно понимать действительность и преобразовывать ее». Объяснение Марии Ивановны показалось Скворешникову сложным, но внутреннюю правоту он почувствовал и отказался от дальнейших расспросов. Вместо этого он попросил еще какую-нибудь книгу Жюль Верна: дескать, хочет убедиться, что дореволюционные французы всё врут. Библиотекарша нахмурилась и сообщила сквозь зубы, что Жюль Верна в фонде немного, и кроме «Восьмидесяти тысяч километров...» имеется еще только один роман — «Таинственный остров». Он очень старого издания, в нем тоже не хватает половины страниц, его уже списали в макулатуру, и если Мэлу так вот приспичило, он может забрать эту книжку себе и насовсем. Скворешников с радостью согласился и стал обладателем редкой книги, копии которой, как он догадывался, нет ни у кого в Калуге.

И этот роман Мэл проглотил за один вечер, и он ему показался еще более впечатляющим, чем предыдущий. Прежде всего порадовала новая встреча с капитаном Немо и его «Наутилусом». Завораживал и образ дикого необитаемого острова, на котором группа американцев

пытается наладить жизнь, сделав ее комфортной и современной. Мэл удивлялся, почему эту книгу не переиздают: раз уж один раз напечатали, то могли бы и дальше печатать. Аргументы Марии Ивановны в данном случае не действовали. Мало ли что такого острова не существует в действительности, мало ли что инженера Сайреса Смита и его друзей писатель выдумал — разве это принципиально? Наверняка есть где-то в Мировом океане и необитаемые острова, есть и умелые инженеры, способные построить гидроэлектростанцию хоть в пустыне, а значит, теоретически описываемая ситуация могла произойти в действительности. А кроме того, в романе имеется очень поучительный момент: автор доказал, что человеческий разум никогда не смирится с трудностями, обойдет любые препятствия и подчинит себе природу, поставив на службу ее законы. Это куда важнее всех приключений мушкетеров вместе взятых.

И еще одно взволновало Скворешникова. Инженер Смит и его друзья попали на остров, прилетев туда на воздушном шаре. Мэл озадачился. Либо Жюль Верн совсем заврался, либо люди могут летать. О возможности такого полета он спросил у школьного физика — Георгия Петровича, бывшего мотострелка и ветерана войны, которого ученики в обычной жизни побаивались. «Хех, — сказал Георгий Петрович. — Интересные вопросы задаешь. Ценю! Учебник открывать пробовал?» Скворешников не любил учебники, предпочитая запоминать материал по объяснениям учителей, но признаться в этом не решился. «Приложение полистай, — посоветовал Георгий Петрович. — Там есть про твои воздушные шары. А если вкратце, если смотреть физически, то всё очень просто. Батискафы знаешь? Огюст Пикар? “Триест”? Ага, знаешь. Ну вот. Поплавок батискафа заполняют бензином, а бензин легче воды, его вода выталкивает. А чтобы погружаться, используют бункеры с чугунной дробью. Вот смотри. Чуть выпустил бензин, погрузился. Чуть высыпал дробь, подвсплыл. Физика понятна? Вижу, понятна. Так и с воздушными шарами. Горячий воздух легче холодного. Всегда поднимается вверх. Если взять шар и внутри него воздух подогреть, то он поднимется вверх, а если горелку выключить, то опустится вниз. Еще мешки с песком подвешивают. Если шар начнет быстро снижаться, их можно сбросить, как дробь на батискафе. Всё очень просто». Мэл выслушал с полным вниманием, а потом поинтересовался, почему же тогда люди не используют воздушные шары для полетов. Георгий Петрович поскущел. «Отсталая технология, — сообщил он. — Высоко подняться нельзя, там опасно, а понизу зачем? Всё, что надо, по железной дороге доставят». Скворешникова словно кто-то подтолкнул: но почему опасно? «Хех, — сказал Георгий Петрович. — По кочану. Если смотреть физически, то смотреть надо на Солнце. Оно, знаешь, не только нас греет, но и облучает. Здесь-то мы под защитой атмосферы, а на высоте такое убийственное излучение. Кожа буквально сохнет и горит. В тридцатые пробовали в стратосферу подниматься. Настоящие герои. Пожгло всех. С тех пор и не летают. Но про это тебе на биологии расскажут. Тут физика сбоку».

Георгий Петрович почти убедил Мэла. Но согласиться с ним, что воздушные шары устарели, не мог. В глубинах океана тоже страшные условия: огромные давления, температура чуть выше нуля, да и водой человек дышать не может — но ведь научились же строить и глубоководные батискафы, и огромные подводные крейсера, и малые субмарины для акванавтов, и подводные танки, и подводные города. Десятки тысяч людей живут и трудятся под водой. Ведь сумели же обойти препятствия, установленные природой! Воображение подростка, подстегнутое прямой аналогией, которую предложил школьный физик, сравнив воздушный шар с батискафом Огюста Пикара, разыгралось. Ему представлялся уже огромный резиновый шар с подвешенной под ним стальной гондолой. В гондole сидели отважные покорители высот в громоздких глубоководных костюмах с баллонами — прочная сталь гондолы и костюмы должны были защитить их от ужасов высот так же, как защищают от суровых условий глубин. Десятки горелок, работающих на газе, запасенном в баллонах, начинают нагревать шар. Он поднимается вверх — всё выше и выше, выше клиньев перелетных птиц, а потом... Мэл не знал, что будет потом. И задумался. У океана имеется дно, но у атмосферы нет дна. Физик еще в про-

шлом году рассказывал, что атмосфера — это только тонкая оболочка, за ней находится бесконечная пустота. В этой пустоте горят звезды и плывут по установленным законами небесной механики планеты и астероиды. Возможно, на некоторых планетах есть атмосфера, вода, океаны, жизнь. Воздушный шар, оторвавшись от Земли, сможет перелетать между планетами, и тогда отважные покорители высот познакомятся с обитателями иных миров.

Последняя мысль так ошеломила Мэла, что он решил ее немедленно записать, чтобы потом не забыть по нечаянности. Не дойдя до дома, он уселся на деревянную скамейку, стоявшую в сквере на пересечении улиц Кирова и Марата, вытащил из портфеля толстую тетрадь и шариковую ручку.

Эта тетрадь на девяносто шесть листов, в клеточку, с твердой черной обложкой появилась у Скворешникова совсем недавно. И Мэл даже сказать не мог, откуда она взялась. То ли мать с работы принесла и забыла на столе, а он утащил машинально; то ли он сам ее купил с непонятными целями, когда прошлой осенью приобретал школьные принадлежности, а потом забежался и забыл. Но тетрадка всплыла, чистые листы поманили, и Скворешников стал брать ее в школу. Иногда, слушая урок, он доставал ее, чтобы порисовать «чертиков», была такая привычка. Правда, далеко не все учителя одобрительно отнеслись к появлению «левой» тетрадки, полагая, что она отвлекает Мэла, и тетрадку приходилось прятать. Но в сквере придирались было некому, и Скворешников спокойно разложил ее, пролистав изрисованные страницы. На последней из них он обнаружил вольное изображение «Наутилуса». Длинный хищный корпус с выступающей, словно акулий плавник, рубкой. Луч прожектора, рассекающий непроницаемую темноту глубин. Ряд иллюминаторов. Турбулентный след, оставляемый винтами. Подводные гады вокруг — морские звезды, спруты, змеи. Картинка была нарисована так, что Скворешников понял: вместо океана можно изобразить космос. Вот здесь подрисовать к морским звездам лучики, здесь добавить хаотических точек, и спрут предстанет далекой туманностью, а несколько резких штрихов превратят гигантского змея в астероид. Тогда «Наутилус» мог стать гондолой, и к нему оставалось только добавить еще более огромный шар, что Мэл без особого труда и проделал.

Получилось осмысленно. Полюбовавшись на результат, Скворешников перелистнул страницу и записал: «Физика говорит, что полет в небо возможен. Он подобен подъему батискафа со дна океана. В этом случае дно океана — это наша Земля. Если построить такой небесный батискаф, он сможет летать между планетами. Земля будет выглядеть как глобус. Наверное, жители других планет видят ее такой. Вот они удивятся, когда мы прилетим к ним и скажем, что их планеты кажутся нам маленькими звездочками на небосклоне».

В те дни Мэл очень радовался, полагая, что сделал великое открытие. Однако вскоре его ждало столь же великое разочарование.

Биологию им преподавала Аква Матвеевна — молодая учительница, только что из педагогического вуза, которая ко всему прочему вела пятый «а» Мэла в качестве классной руководительницы. Преподавала она скучно, словно по учебнику. Мэл на ее уроках либо рисовал, либо спал с открытыми глазами. Но однажды, и случилось это аккуратно в апреле, почти сразу после беседы с физиком, классная биологиня решила прочитать лекцию по теории происхождения видов.

«Великий Чарльз Дарвин, — выступала она перед изнуренным высокими материями классом, — создал теорию эволюции видов за счет естественного отбора. Согласно этой теории, люди произошли от приматов, то есть от одного из подвидов обезьян, которые спустились с деревьев и пришли в саванну, где создали орудия труда. Теория Дарвина стала одним из краеугольных камней марксистско-ленинской философии. Однако у религиозных оппонентов, которые отстаивали гипотезу божественного происхождения человека, имелись серьезные возражения. Почему, спрашивали они, человек в отличие от обезьян лишен волосяного покрова и волосы у него имеются только на голове? Почему, спрашивали они, человек любит воду и

стремится к воде, ведь все остальные обезьяны боятся воды, как огня? Теория Дарвина нуждалась в обоснованном дополнении. И вот в двадцатом веке советские и французские ученые доказали, что человек произошел не от приматов, которые жили на деревьях, а от особого вида обезьян, которые селились на берегах африканских рек и озер. В процессе естественного отбора эти обезьяны – их называют водяными обезьянами или наипитеками – утратили волосяной покров на теле, поскольку он мешал им глубоко нырять, добывать моллюсков или рыбу. Зато они обрели жировую прослойку, как у китов, которая позволяла наипитекам не мерзнуть при длительных заплывах и погружениях. Те из водяных обезьян, которые получали новые качества в процессе эволюции – например, более массивный мозг, у китообразных происходит то же самое, – эти развитые обезьяны гибче воспринимали изменения окружающей среды, чем их собратья по виду, ведь они жили фактически в двух мирах: на земле и в воде. Когда гигантские озера Африки высохли, наипитеки быстро сориентировались, ушли в саванну, научились охотиться на крупных животных — через это они обрели разум. Но память о воде продолжает жить в нас. Люди инстинктивно тянутся к воде, строят города на берегах рек и озер, погружаются в глубины Мирового океана, осваивая его несметные богатства. Среди нас уже есть люди, которые могут задерживать дыхание на десятки минут, подобно дельфинам. Можно даже сказать, что мы возвращаемся в естественную для нас среду обитания...»

Мэл встрепенулся, огляделся и поднял руку. Хотя и знал, что заслужит этим смешки и подначки во время перемены.

«Да, Скворешников, слушаю тебя», — кивнула ему классная.

Мэл спросил: а зачем возвращаться в воду? Если мы из нее уже вылезли? Наверное, человеку надо двигаться дальше и выше. Стремиться к небу, осваивать новые миры.

Сзади захихикали. Аква Матвеевна нахмурилась.

«Какая дурацкая идея, — сказала она. — Кто тебя надоумил, Скворешников?»

Мэл сильно смутился и не ответил на вопрос.

«Объясняю, Скворешников, еще раз. Для особо одаренных, — сзади засмеялись громче. — Человек эволюцией приспособлен жить в двух средах: в воде и на земле. И мы зависимы от этих сред. Если бы человек был птицей, он мог бы подниматься в небо. Но человек — не птица, и на высоте он задохнется от недостатка кислорода...»

Скворешников возразил, что человек может взять с собой баллоны, как у акванавтов.

«Так пытались делать, — строго сказала классная. — Но оказалось, что человек очень уязвим. Он не может долго находиться в отрыве от привычной среды обитания. У смельчаков, которые рискнули подняться на высоту, ссыхалась кожа. Они слепли от нестерпимого света. На высоте низкое давление, и у испытуемых закипала кровь, как при кессонной болезни. Многие погибли, а те, кто уцелел, сделались инвалидами. Ведь на высоте очень высокая радиация. Вы проходили на “гражданской обороне”, что такое радиация? Так вот, на высоте имеются целые пояса естественной радиации. Преодолевая их, испытуемый подхватывал лучевую болезнь. А это очень страшно, дети, — лучевая болезнь. Человек покрывается язвами, теряет волосы, может сойти с ума. Во время войны десятки тысяч людей из-за облучения умерли. И сегодня еще умирают, если в зону поражения попасть. А наверху, над облаками, — сплошная зона. Нет, дорогой мой Мэл, людям в небе делать нечего».

Ночью Скворешникову приснился кошмар. Он видел себя летящим высоко-высоко, внизу была Калуга, маленькие домишки, блестящая лента Оки. Для полета не требовалось взмахивать руками и как-то напрягаться — он происходил сам по себе, вот так летом ляжешь на воду, раскинешь руки и ноги, расслабишься, и река удержит, понесет. Во сне Мэл поднимался всё выше. Калуга из набора кубиков превратилась в лоскуток, размером с игральную карту, Ока предстала тончайшей проволокой, горизонт загнулся, являя шарообразность Земли. И тут Скворешникова ожгло. С ужасом он увидел, как у него начинает дымиться кожа на руках, она быстро высыхала, чернела на костяшках, от рук пошел резкий запах паленой

плоти. Отвратительные волдыри на коже начали лопаться, обнажая мясо. Мэл закричал и проснулся.

Он долго лежал в постели, учащенно дыша и пытаясь унять сердцебиение. Сон испугал Мэла, он вспомнил старую легенду об Икаре, которую рассказывали им еще в детском саду. Так вот почему Икар погиб — он поднялся на самодельных крыльях слишком высоко, и его сожгла солнечная радиация. Ведь от нее не защитит самый надежный глубоководный костюм. Значит, дорога в небо действительно закрыта. Человек навечно прикован к Земле и к своей среде обитания. Это показалось невыносимо обидным, ужасно несправедливым, по щекам Мэла покатились слезы, намочили наволочку. Он лежал и думал о холодных звездах, которые всегда будут светить, но никогда не согреют, всегда будут манить, но никогда не станут ближе. Он уснул, так и не сумев разобраться в своих чувствах, в своей горечи от осознания ограниченности человеческих возможностей.

Утром он записал в «левой» тетрадке: «Биология говорит, что человек не может выжить на высоте. Радиация космоса убьет его. От радиации нет защиты. Мы всегда будем жить на дне атмосферного океана. Может быть, где-то на другой планете есть человеки, которые могут летать в космос. Думаю, они подобны птицам. В процессе эволюции они научились переносить радиацию. Было бы здорово быть таким человеком».

К сожалению, Скворешников не имел возможности поделиться с кем-нибудь своими размышлениями. Школьные учителя отстаивали категорическую точку зрения, не подразумевающую двоякого истолкования. Приятели-однокашники подняли Мэла на смех, едва стоило заикнуться о проекте полета в космос на шаре с подогретым воздухом, — их больше интересовали глубоководные погружения и адмиральские кортики. Родители... С родителями было совсем плохо. Отца Мэл почти не помнил — только какой-то очень смутный образ представлялся ему: веселый круглолицый мужик с бородой. Куда он исчез из жизни семьи Скворешниковых, оставалось загадкой — мать изничтожила все совместные фотографии, а на любые вопросы по этому поводу отмалчивалась, уходя в себя. Сама она трепыхалась в парткоме на двух работах: на канцелярской и общественной. Мэл видел ее редко и, честно говоря, никогда не воспринимал в качестве живого разумного существа, обладающего волей, — с давних пор она выглядела в его глазах предметом интерьера, но своеобразным и достаточно мобильным предметом интерьера: вот он есть, вот он исчез, чтобы появиться вечером на том же самом месте и с той же самой устало-рассеянной улыбкой на лице, односложные вопросы, односложные ответы, и весь разговор. Скворешников чувствовал, что закисает. Правильнее было бы выбросить всю эту чушь из головы, но сознание назойливо возвращалось к мечте о полете, и Мэл не находил себе места. В «левой» тетрадке появлялись короткие странные записи вроде: «Аква говорит, что человек тоже эволюционирует, что мы, современные люди, отличаемся даже от наших прямых предков кроманьонцев. А если бы направить эту эволюцию так, чтобы человек стал более устойчив к опасностям неба. Но это, конечно, дело миллионов лет».

Наверное, Скворешников со временем превратился бы в классического чудака из глубинки, которого жалеют близкие и сторонятся дальние, которого не понимают и от общества которого спешат избавиться. Однако Мэлу повезло — он нашел точку опоры, с нее началось его быстрое восхождение к небу.

2. Высокий штиль

Жизнь состоит из бесчисленного количества мелких событий, каждое из которых по отдельности не имеет особого смысла, но в совокупности они зачастую обретают ореол поучительного примера, дающего стороннему наблюдателю возможность выносить оценки пройденному человеком пути.

К тринадцати годам жизненный багаж Мэла был сравнительно невелик, но потом произошло незначительное на первый взгляд событие, которое придало его биографии новое качество, на годы вперед определив главный вектор и смыслы.

Ближе к лету классная вызвала Скворешникова на разговор. «Мэл, ты совсем не участвуешь в делах пионерской дружины, — безапелляционно заявила она. — Надо бы подтянуть показатели. Ты в лагерь со всеми едешь или дома остаешься?» Скворешников нехотя признался, что остается дома. Мать даже не пожелала обсуждать этот вопрос — похоже, с летними пионерскими лагерями у нее были связаны не самые приятные воспоминания. «Тогда вот что, — сказала Аква Матвеевна. — Наша дружина взяла шефство над десятью ветеранами войны. Семерых девочки уже обошли, трое еще осталось. Твоя задача, Мэл, навестить их. Они живут в частных домах на Коровинской улице, вот адреса. Богданов, Тихонов, Стопарь. Сообщишь, что наша дружина взяла шефство над ними. Спросишь, не нужна ли им какая-нибудь помощь. Ну и так далее». Что именно «так далее», классная пояснить не удосужилась, и Мэлу пришлось полагаться на собственную способность к импровизации.

На следующий день, позавтракав, надев школьную форму и красный галстук, Мэл отправился по указанным в записке адресам. Начал он с Тихонова, который жил ближе всего, если идти со стороны Березуевки.

Тихонов оказался живеньким толстеньким старичком — краснощеким и с венчиком седых волос, обрамляющих куполообразную лысину. Жил он в большом трехэтажном доме, причем, похоже, весь дом принадлежал ему одному. Обихаживала ветерана некая молодка: Скворешников так и не разобрался, кем она ему приходится: дочерью, внучкой или неравной по возрасту женой. Едва заслышав о цели визита, Тихонов уснул, а молодка варить борщ, а сам подвел Мэла к платяному шкафу, в котором, как выяснилось, хранился парадный ветеранский мундир со всеми наградами. Медалей и орденов было так много, что Скворешников усомнился, а можно ли такой мундир носить — не согнет ли носитель под тяжестью. «Эх ты, молодежь!» — сказал Тихонов, снял мундир с плечиков и легко так, звеня медалями и ничуть не смущаясь постороннего, переоделся. Мэл убедился, что мундир сидит на старике как влитой, а награды совсем не мешают при ходьбе и к полу не гнут. Внимание сразу привлек один огромный и красивый орден — с большими лучами, чьим-то портретом и стилизованным изображением шпиля кремлевской башни. На вопрос, что это за орден, ветеран объяснил, что это орден Кутузова третьей степени, и получил он его за Париж, за захват силами подчиненной роты вокзала Аустерлиц. После этого Тихонов оживился и начал рассказывать о всяких приключениях, которые он с бойцами претерпел после захвата вокзала: о том, как без единого выстрела пленили местных полицейских; о том, как нашли цистерну с чистейшим спиртом и охраняли ее от посягательств своих же из разведроты, а те ребята отличались крутым нравом, и неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы не вмешательство штабных, которые, в конечном итоге, эту цистерну и прикарманили; о том, как случайно сожгли Национальную библиотеку, здание которой находилось как раз напротив вокзала, пытаясь выкурить из нее отряд легионеров, прорывавшихся из центра французской столицы к ее южным окраинам. Рассказывал Тихонов очень эмоционально, старческое лицо его раскраснелось еще больше, глаза будто светились, он резко отмахивал рукой, живописуя героизм подчиненных ему бойцов и свой личный

героизм. Было видно, что делает он это не впервые и сам же получает большое удовольствие, вызывая из забвения причудливые образы прошлого.

«А пойдем, молодежь, я тебе свой архив покажу», — призвал Тихонов. Они поднялись на второй этаж, где стоял многоярусный книжный стеллаж, подобный библиотечному. Однако на нем совсем не было книг, а лежали толстые папки-скоросшиватели, адреса в хороших коленкорových переплетах, имелись и красивые дипломы в рамках с подставками. Ветеран снял с полки ближайшую папку, и Мэл увидел, что в ней хранятся пожелтевшие вырезки из периодических изданий: от «Пионерской зорьки» до «Калужской правды». Слегка повысив голос, Тихонов начал зачитывать тексты заметок, посвященных его подвигам и награждениям. Тут Мэл заскучал — газетный слог всегда быстро утомлял его. Но, чтобы не обижать хорошего человека, достал «левую» тетрадку и сделал вид, будто конспектирует. За что позднее был вознагражден горячим наваристым борщом и новой порцией затейливых рассказов.

После Тихонова юноша почувствовал себя слегка утомившимся, но откладывать остальных ветеранов в долгий ящик не стал, сразу направившись к дому Стопаря, который удачно соседствовал с домом Богданова в конце улицы.

Стопарь обитал в старой, на вид чуть ли не дореволюционной, хибаре. Не обнаружив электрического звонка, Мэл долго стучался в ворота, пока наконец к нему не вышел нескладный, невеликого роста старичок, отличавшийся ухоженной бородкой и мохнатыми бровями, скрадывавшими черты лица. Стопарь выслушал объяснения Мэла, стоя на улице и подозрительно зыркая вокруг.

«Пионэр, значит? — переспросил ветеран. — Из пионэрской организации, значит? Ну, заходи, пионэр!»

Мэлу сразу не понравился этот второй ветеран, но делать нечего, и он воспользовался приглашением.

«Ты как, пионэр, один ходишь? — поинтересовался Стопарь, пропуская Скворешникова вперед себя. — Никто тебя не подстраховывает?»

Мэл выразил свое недоумение; он не понимал, почему его должен кто-то подстраховывать.

«Время беспокойное, — сообщил Стопарь. — Враги кругом. Надо проявлять бдительность, пионэр».

Несмотря на свое более чем странное поведение, ветеран тем не менее усадил Скворешникова за стол на кухне и налил ему стакан чаю с цветками шиповника. После борща у Тихонова чай показался лишним, но приглашение, эта человеческая деталь, убедила Мэла, что перед ним нормальный, а то, говорят, некоторые ветераны не в себе от пережитого на войне и встреч с ними следует избегать, по крайней мере если рядом нет взрослых. Это не их вина, конечно, но мало ли что придет контуженому в голову.

«Говоришь, интересно тебе о подвигах послушать?» — уточнил Стопарь, с прищуром разглядывая подростка.

Мэл подтвердил и достал из портфеля свою тетрадь.

«Ты, значит, записи свои убери, пионэр, — потребовал ветеран. — Не для записей рассказываю. Не всё еще можно бумаге доверить».

Скворешников послушался — уж больно грозный вид был у старика.

«Ты вот говоришь, значит, воевал ли я на фронте? — Стопарь придвинулся к Мэлу, навис над краем столешницы, распространяя острый чесночный запах, и понизил голос до шепота. — Воевал. Но не в Европе. Здесь воевал. В Москве. Понял, пионэр? На невидимом фронте!»

«Бойцы невидимого фронта» — так называлась книга о советских разведчиках и американских шпионах, которую Скворешников взял однажды в библиотеке. Он прилежно прочитал ее, но не впечатлился: слишком уж сложными и приземленными показались ему игры разведок-контрразведок; в них не было героизма, который вырастает из искренней жертвенно-

сти, единственно возвышающей над сиюминутностью. Умом Мэл понимал, что на «незримых фронтах» героизм излишен, это кропотливая работа, которая не терпит суеты и эмоциональных выплесков, но душа жаждала иных приключений, чтобы позволяли выложиться до дна, просиять над миром, как просияли когда-то матрос Железняк и мичман Колесников. Поэтому к сообщению Стопаря юноша отнесся без особого энтузиазма: вряд ли его история будет интересней рассказов Тихонова о том, как наши солдаты сцепились с французскими легионерами у вокзала Аустерлиц. Но, как ни странно, бывший «боец невидимого фронта» нашел тему, захватившую воображение Скворешникова. Всё так же шепотом ветеран поведал Мэлу занимательную историю о том, как он в составе специальной группы выслеживал английских диверсантов, доставивших в Москву атомные фугасы. Диверсанты были хитры и изворотливы, расположились в подмосковных Мытищах, изображая из себя самое натуральное советское воинское подразделение с секретным регламентом: документы, обмундирование, техника — всё честь по чести. Контрразведчики долго не могли понять и поверить, что диверсантами являются все военнослужащие части, а не несколько человек из числа солдат и офицеров. А когда всё-таки поверили, то пришлось развязать в Мытищах чуть ли не уличную войну. Главная сложность заключалась в том, что если бы командиры этого «липового» подразделения узнали о готовящейся серии арестов, они могли бы привести в действие атомные заряды, которые, что интересно, хранились в курятнике на территории «липовой» части. Тогда город Мытищи превратился бы в радиоактивные руины, а все его жители погибли бы. Скворешников вдруг вспомнил уроки гражданской обороны и не удержался намекнуть старому «бойцу невидимого фронта», что Мытищи так и так превратились в зону поражения.

«Ерунда, — отмахнулся рукой Стопарь. — Это потом уже было. А этих голубчиков мы взяли. Никто и не пикнул».

Однако после замечания Мэла ветеран заметно поскущел, и юноша хотел уже с ним распрощаться, но тут Стопарь вдруг снова завелся: «Ты думаешь, пионэр, меня в запас списали? А вот нет, значит. Те, кто в контрразведке служил, на пенсию не уходят. Только ногами вперед, значит. Я здесь по делу. Важному государственному делу. За врагом наблюдаю, значит».

Сообщение заинтересовало Мэла. Он с любопытством спросил, кто этот враг?

«В соседнем доме живет, — тихо-тихо, но со значением поведал Стопарь. — Настоящий вражина, значит. Матерый».

Скворешников чуть не сболтнул, что собирается зайти как раз в соседний дом, но вовремя прикусил язык. Вместо этого он спросил, откуда известно, что сосед Стопаря — «матерый вражина».

«Оттуда, — со значением отвечивал ветеран. — Отсидевший он, значит. А у нас просто так не сажают. Ясно тебе, пионэр?»

Мэл кивнул.

«То-то. Но ты смотри никому об этом, слышишь? — Стопарь вперил жесткий взгляд в Скворешникова. — А то сбежит этот проходимец, ищи его потом».

Мэл уточнил, считает ли бывший «боец невидимого фронта» своего соседа шпионом.

«Не... — Стопарь покачал головой. — Какой из него шпион? Он рухлядь, постарше меня будет, значит. Он внутренний враг. Ему наши социалистические успехи, как нож острый. Ты ведь и не знаешь поди, пионэр, что таких, как он, до войны много было. Если бы не товарищ Гришин, который их в ежовые рукавицы, то просрали бы всё, сдали бы страну томми и гансам. Ясно тебе, пионэр?»

Мэлу направление разговора нравилось всё меньше. От старика внезапно повеяло тяжелой скрытой угрозой, словно перед Скворешниковым сидел не обычный человек из плоти и крови, а оболочка, под которой прячется доисторический саблезубый хищник, способный одним махом перегрызть жертве горло и упиться ее живой горячей кровью. Поэтому юноша предпочел свернуть беседу, поблагодарив за чай и активно засобиравшись.

Он вышел из дома Стопаря и некоторое время раздумывал, идти ли ему прямо сейчас к третьему по списку ветерану или всё-таки наведаться в другой день. А может, вообще соврать классной, что Богданова не было дома, он в отъезде и всё такое? Хотя слова Стопаря о «матером вражине» и вызывали сомнения в правдивости, Скворешников не чувствовал себя достаточно взрослым и уверенным, чтобы с ходу отвергнуть их. Богданов сидел? Уголовник? Уголовники, вышедшие после отсидки, в Калуге водились, один из них по имени Жора даже работал на водолазной станции Городского водного клуба — пацанов, которые ближе к лету начинали осаждать станцию, привлекали в нем грубый, но сдержанный стиль поведения, необычно затейливая речь, переполненная блатными словечками, и масса татуировок, покрывавших мускулистые руки и торс Жоры. Бывший уголовник научил ребят игре в «ножички» и любил повечеру, сидя на пристани, рассказывать всякие лагерные небылицы. Неужели Богданов такой же? Но ведь в Жоре ничего враждебного не было, никогда он социалистические успехи не отрицал. Наоборот, говорил, что жизнь на воле стала лучше, богаче.

Колебания Скворешникова были прерваны самым неожиданным образом — налетела низкая тучка, полил холодный дождик, и Мэлу ничего другого не оставалось, как поспешно двинуться к дому Богданова, спасаясь от непогоды.

Двухэтажный приземистый дом был окружен глухим дощатым забором в полтора человеческого роста. По счастью, здесь имелся звонок, и Мэл с торопливой настойчивостью нажал на кнопку.

«Кого там принесло? — услышал он ворчливый голос. — Никого не жду!»

Дверь открылась, и Мэл увидел очередного ветерана — темного лицом и седого как лунь старика, одетого в мешковатую робу из черной ткани — вроде той, которую носят моряки на атомных подводных лодках. Приглядевшись, юноша внутренне содрогнулся: похоже, этот человек когда-то сильно обгорел — рубцы от ожогов и пигментированная кожа покрывали часть лица ветерана с нижней правой стороны, так же изуродованной выглядела и правая рука. Дождь усиливался, и Мэлу стало не до брезгливости. Он представился и вкратце обрисовал проблему. Ветеран молча выслушал и отступил в дверном проеме, сделав приглашающий жест обожженной рукой.

Вместе они пересекли небольшой двор, нырнули в приоткрытую дверь.

В отличие от предыдущих ветеранов, Богданов не стремился выглядеть гостеприимным. Он провел Мэла по коридору в большую светлую комнату, заставленную старомодной мебелью и, предложив колченогий стул, уселся напротив.

Скворешников понял, что инициативу надо брать в свои руки, достал «левую» тетрадку, начал листать ее, чтобы найти свободную страницу. Тут Богданов, наблюдавший за ним с сонным видом, вдруг встрепенулся и спросил: «А что это там у тебя?» Он остановил Мэла как раз в ту секунду, когда тот перелистывал страницу с изображением «Наутилуса», летящего среди звезд и туманностей. Подросток слегка засмутился, но дал старику рассмотреть картинку подробнее. Он минуты три изучал ее, а Скворешников, замерев, ждал и слушал, как тяжелые капли дождя стучат по оцинкованной крыше, а в соседней комнате тикают громко «ходики», ползет цепь с гирями.

«Очень интересно, — заявил Богданов. — И кто тебя надоумил?»

Мэл признался, что это он сам «надоумился». Ветеран помолчал, осмысливая. Потом спросил: «А зачем пришел?»

Скворешников удивился: ведь он только что описал Богданову цель своего визита. Может быть, тот не понял? Или не расслышал? Тогда зачем пустил? Юноша повторил свои объяснения, еще раз сославшись на Акву Матвеевну.

«Про подвиги послушать? — Богданов вернул тетрадку. — Да какие там подвиги... На войне, мальчик, не бывает подвигов. Есть ярость. Есть ненависть. Есть желание убить или умереть. Много чего есть. Но подвиги придумывают потом. Не знаю даже, хорошо это или

плохо. Вроде и хорошо — люди могут думать, что совершили грандиозное дело, сломили врага, не поскупились на жертвы. Но и плохо — кому-то из вас, молодежи, все эти чествования могут показаться достаточным поводом, чтобы любить войну, мечтать о войне... Хотя, наверное, для тебя это слишком сложно?..»

Скворешников не знал даже, что на это ответить. Уж очень странным прозвучало заявление Богданова на фоне рассказов других ветеранов. Да и уголовник Жора никогда ничего подобного не говорил, а предпочитал петь под гитару: «Первая болванка попала танку в лоб...» Однако Мэл не был бы Мэлом, если бы сразу не заинтересовался, а какой подвиг, по мнению старика, имеет смысл награждать и воспевать.

«Ну как тебе сказать... — Богданов развел руками, но, заметив блеск обиды в глазах Скворешникова, тут же заторопился: — Если тебе и правда интересно, мальчик, то я думаю, что подвиг только тогда подвиг, если не идет речи о выживании рода. Выживание, оно и есть выживание. Какой-нибудь олень бросается на волков, чтобы защитить оленят. Красиво, благородно, но разве это подвиг? Лиса бросается на свору собак, чтобы защитить лисят. Это инстинкт, а не подвиг. Вот и мы бросаемся на пулеметы, потому что инстинктивно чувствуем: за нами — наши дети, за нами — наше будущее. Но если мы поддаемся инстинкту, мы перестаем быть людьми, звереем. В том-то и фокус, мальчик, перестаем быть людьми. А подвиг он должен быть осознанным действием. Вот живешь ты, допустим, хорошо. А ты ведь хорошо живешь? — Мэл утвердительно кивнул. — И тут тебе вдруг захотелось совершить что-то необыкновенное, хотя и необязательное. Например, подняться высоко в гору, взобраться на самую вершину, туда, где никто до тебя не бывал. Или нырнуть в самую глубокую океанскую впадину. Или полететь, как птица. Вот это и есть подвиг. Осознанное желание совершить странное, выйти за границы нашего быта. У тебя никогда не возникало желания летать, как птица?»

Скворешников вздрогнул и, вскинувшись, посмотрел на старика. Казалось, Богданов уловил его тайные мысли.

«Вижу, возникало. — Ветеран впервые улыбнулся, хотя на его изуродованном ожогом лице улыбка вышла кривой и некрасивой. — И картинка твоя о многом говорит. Звезды зовут, мне ли не знать... — Он помолчал, а потом задал другой необычный вопрос: — Планёр из бумаги делать умеешь?»

Мэл с гордостью сказал, что с легкостью сделает из бумаги двухтрубный и четырехтрубный пароходы, подводную лодку и даже танк. А что такое «планёр»?

«Заморочили вас... — пробормотал себе под нос Богданов. — Совсем дети света белого не видят. С лучшим намерениями, надо полагать...»

Продолжая ворчать, он встал, подошел к книжному шкафу, плотно набитому каким-то томами с серыми корешками, порылся поверху книг, извлек старую газету, принес ее, расправил на столе, а потом в два счета, сгибая и разгибая, сложил бумажный лист в необычную треугольную фигуру, отдаленно напоминающую птицу. Поднял и пустил по воздуху. «Планёр» не упал, а плавно, почти величаво, проскользил, поддерживаемый неведомой силой, до самой двери, ткнулся острым носом в косяк. Это выглядело настоящим чудом, и Мэл не усидел на стуле — возопил и бросился за «планёром».

«Принцип тут простой, — заверил Богданов. — Вам и на физике должны были рассказывать. Крыло так устроено, что при его движении сквозь воздух давление сверху оказывается чуть меньше, чем снизу. И за счет этого планёр летит. Подъемная сила называется».

Мэл, захваченный новой идеей, тут же спросил, а нельзя ли сделать такой же планёр не из бумаги, а, например, из дерева, и посадить в него, например, человека?

«Смело мыслишь, — одобрил Богданов, но тут же помрачнел. — Только за такие мысли нынче далеко залететь можно».

Мэл пропустил последние слова старика мимо ушей. Он взял «планёр» и снова запустил его в полет по комнате. И у него получилось! Восторгам не было предела.

Когда он вернулся к столу, Богданов задал новый вопрос: «А читаешь что, мальчик?»

Скворешников сообщил, что недавно прочитал два романа французского писателя Жюль Верна: «Восемьдесят тысяч километров под водой» и «Таинственный остров».

«И как тебе? Понравилось?»

Скворешников похвалил романы, вертя в руках «планёр» и вспоминая, как старик его складывал.

«Эх, — вздохнул Богданов, потом произнес тихо и в сторону: — Совсем я, видно, с ума спятил на старости лет. Но жалко ведь, такой славный парень пропадает... Авось как-нибудь обойдется...»

Ветеран снова протянул руку к книжным полкам и извлек довольно увесистый том.

«Вот возьми, — предложил он. — Это твой любимый Жюль Верн. Здесь два романа о полете на Луну».

Мэл сразу забыл о «планёре». Этот странный ветеран в один момент купил его с потрохами. Неужели Жюль Верн писал не только о воздушных и подводных приключениях? Неужели он придумал, как обмануть космические угрозы?

«Почитай, — сказал Богданов. — Недели тебе хватит? Вернуть не забудь в срок. Я не библиотека, чтобы ждать до Нового года».

Мэл согласился и, спрятав книгу в портфель, торопливо распрощался со стариком. Дождь еще не закончился, хотя и не лил, а, скорее, накрапывал, — но теперь Скворешникову было не до дождя: хоть цунами случись, ничто не помешало бы ему добраться до дома, сделать себе бутерброд с сыром и водрузиться в старое кресло над новой книжкой Жюль Верна.

Хотя романы «Из пушки на Луну» и «Вокруг Луны» были написаны куда более скучным языком и выглядели гораздо фантастичнее, чем «Таинственный остров», Мэл проглотил их залпом, пропустив мимо внимания и появление матери, и приход соседа Ваньки, который звал на речку, но утомился звать, разочаровался и ушел. Только под утро юноша утомился, закрыл книгу и уснул счастливым сном.

Проснувшись, он записал в «левой» тетрадке: «Решение проблемы есть! Его придумал Жюль Верн. Нужно построить огромную пушку. Сделать герметичный снаряд из алюминия. Внутри обить его мягким материалом, чтоб уберечь людей от удара при выстреле. Пушка выстрелит этим снарядом, и он быстро пронесется через поля радиации. Люди просто не успеют облучиться и окажутся сразу в космосе и на Луне».

Полдня Мэл потратил на то, чтобы выписать из книги расчеты Жюль Верна и законспектировать его выкладки. Возникла даже идея переписать книгу целиком, но Скворешников отбросил ее как нелепую: если захочется перечитать, книгу всегда можно будет взять у Богданова, вряд ли этот старик часто уезжает из города. Мысли роились, и Мэл решил, не откладывая, наведаться в библиотеку и поискать книжки по дальнобойным пушкам. Библиотекарша Мария Ивановна не удивилась запросу, но сказала, что на подобную литературу большой спрос, а потому ознакомиться с ней можно только в читальном зале. Пришлось записаться в читальный зал, хотя Скворешников никогда не собирался этого делать: ведь там нельзя расслабиться с книжкой в одной руке и с бутербродом — в другой, нельзя поваляться на гамаке и почечаться, когда и где захочется. Но охота пуще неволи, Мэл вошел в светлую комнатку читального зала, предъявил ученический билет, дождался, пока заведующая заполнит карточку и принесет ему книги. Книг по интересующей теме оказалось три, но внимание сразу привлек здоровенный фолиант, озаглавленный «Уникальная и парадоксальная военная техника XX века». В фолианте обнаружился большой и богато иллюстрированный раздел, посвященный пушкам-гигантам. Скворешников быстро пролистал его. Оказалось, что большая пушка, способная стрелять на огромную высоту, были построена еще в первую войну, причем немцами, что

особенно удивительно, ведь эта нация, о чем Мэл знал точно, никогда не отличалась особой изобретательностью и трудолюбием. Пушка стреляла на высоту до двадцати километров, и с ее помощью агрессоры обстреливали Париж. Скворешников как-то сразу засомневался в полученной информации. Обычно оружие называют не по цели, на которую оно направлено, а по месту изготовления, тем более что цель может поменяться еще в процессе. Логичным казалось предположить, что «парижскую» пушку построили всё же изобретательные французы, а немцы либо украли идею, либо каким-то образом завладели пушкой и использовали ее против создателей.

Тут Мэл задумался. Но разве книга может врать? А ее автор может ли ошибаться? Ведь она прошла через кучу взрослых редакторов, корректоров и рецензентов — они все тут в выходных данных указаны, — неужели и эти ошиблись или соврали?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.